

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1.42+811.111'42+81'38+81'27

ББК Ш100.621+Ш141.12-51+Ш143.21-51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ксения Игоревна Кириллова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN-код: 4824-3274, <https://orcid.org/orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются состязательные метафоры, используемые в 53 российских и 49 американских газетных публикациях СМИ 2022–2024 гг. при характеристике страны-оппонента (соответственно США и РФ). Цель работы — выявить роль состязательных метафор в формировании образов «США» и «Russia» как части актуальной политической картины современных российских и американских массмедиа. Материалом для анализа послужили 132 русских и 120 английских контекстов с состязательными метафорами. В результате применения современных когнитивно-семантических и когнитивно-дискурсивных методов анализа текстового материала было установлено, что употребление состязательных метафор носит системный характер. Российские и американские журналисты используют три взаимосвязанные модели метафоризации (милитарно-состязательную, спортивно-игровую и азартно-игровую) для формирования идеологем стран-оппонентов («США» и «Russia») как концептуально значимых частей политических картин мира. В российских СМИ формируется образ «США» как государства, внутривнутриполитическая жизнь которого в основном сводится к спортивному состязанию и вооруженному противостоянию конфликтующих партийных и внутрипартийных блоков. Во внешней политике «США» выступают в роли игрока, ведущего «нечестную» игру против своих конкурентов и оппонентов. В американских СМИ «Russia» в основном репрезентируется как государство — принципиальный противник коллективного Запада, готовый всеми доступными средствами бороться с западными «либеральными» ценностями как за пределами своей страны, так и внутри нее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, американские СМИ, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, русский язык, английский язык, политическая идеология, идеологемы, состязательные метафоры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; email: kirillovakseniya1999@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириллова, К. И. Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 110–118.

Kseniya I. Kirillova

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN code: 4824-3274, <https://orcid.org/orcid.org/0000-0001-5302-504X>

The Role of Competition Metaphors in the Formation of the Ideological Concepts “Russia” and “USA” in Modern American and Russian Media

ABSTRACT. The article analyzes competition metaphors used in 53 Russian and 49 American newspaper media publications in 2022–2024 while characterizing the rival country (respectively, the United States and the Russian Federation). The aim of the research is to identify the role of competition metaphors in the formation of the images of the “USA” and “Russia” as part of the modern political worldview of contemporary Russian and American mass media. 132 Russian and 120 English contexts with competition metaphors served as the practical material for analysis. As a result of application of modern cognitive-semantic and cognitive-discursive methods of text analysis it was found that the use of competition metaphors is systemic. Russian and American journalists use three interrelated models of metaphorization (military competition, sporting competition and gambling competition) to form the ideologemes of the rival countries (“USA” and “Russia”) as conceptually significant parts of the political worldview. Russian media form the image of the “USA” as a state the domestic political life of which is mainly reduced to sports competitions and armed confrontation between the conflicting party and intra-party blocs. In foreign policy, the “USA” acts as a player of a “dishonest” game against its competitors and opponents. In American media, “Russia” is mainly represented as a state — principled enemy of the collective West, ready to fight Western “liberal” values both outside and inside its country by all means available.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, Russian media, American media, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, Russian language, English language, political ideology, ideologemes, competition metaphors.

AUTHOR'S INFORMATION: Kirillova Kseniya Igorevna, Post-Graduate Student, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

FOR CITATION: Kirillova K. I. (2024). The Role of Competition Metaphors in the Formation of the Ideological Concepts “Russia” and “USA” in Modern American and Russian Media. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 110-118. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования в работе стали составительные метафоры, использующиеся при характеристике страны-оппонента в общественно-политических газетных СМИ 2022–2024 гг.: США — в российских изданиях; РФ — в американских.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, метафоры в широком их понимании играют важную роль в политическом дискурсе и формировании политической (идеологической) картины мира [Баранов 2014; Балашова 2022; Будаев 2020; Окунева 2010; Семенова, Алексеева 2023; Чудинов 2012, 2013; Gibbs 2017; Kövecses 2010], в отражении «основных направлений движения политического сознания» [Будаев, Чудинов 2008: 4] и являются «эффективным действующим инструментом воздействия на общественное сознание» [Балашова 2017: 1180]. Во-вторых, в условиях нарастания конфронтации между США и Россией в 2022–2024 гг. усиливается концептуализация образа государства, воспринимаемого как политического противника и идеологического оппонента. В-третьих, составительные метафоры достаточно разнообразны (милитарные, спортивные, азартные, творческие) и продуктивны при характеристике конкурентно-конфликтных отношений в рамках оппозиции «свой» / «чужой» [Балашова 2014; Барышникова, Дубинина 2019; Корж 2019; Чудинов, Сегал 2024].

Цель работы — выявить роль составительных метафор в формировании образов «США» и «Russia» как части современной политической картины мира современных российских и американских массмедиа.

Материалом для анализа послужили 53 российских и 49 американских публикаций из электронных вариантов печатных и цифровых газет за период с 22.02.2022 по 31.05.2024¹. При исследовании использовались современные методики комплексного (семантического, когнитивного и дискурсивного) системного анализа текстового материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общая характеристика составительных метафор

Как отмечалось, составительный компонент представлен в семантике различных семантических группировок, но концептуальные модели метафоризации в языке и политическом дискурсе формируются на базе трех семантических полей (далее СП): «Милитарная лексика», «Спортивно-игровая лексика», «Лексика азартных игр» (с возможным «притяжением» единиц из других СП, например: пространственного, артефактного, финансового). Общей для данных моделей является ядерная часть их когнитивных матриц, в которой стремление превзойти кого-либо (в сражении, в спортивном соревновании, в азартной игре) ассоциируется со стремлением добиться преимущества в чем-либо, несмотря на сопротивление (конкурента, обстоятельств и т. п.), риск, или в надежде на удачу. В каждом из СП данное концептуальное ядро получает специфическое преломление.

В основе наиболее древней **милитарно-составительной** модели (далее МСМ) [Балашова 2014; Савельева, Жантурина 2023; Сидоренко 2021] лежит признак противоборства, предполагающий «не только фиксацию близких / отчужденных отношений, идеологических и иных позиций, но и активность в отстаивании собственной позиции, в реализации политических, идеологических и иных установок», при этом «цель противостояния — с помощью активных действий уничтожить или подчинить себе оппонентов» [Балашова 2014: 230]. **Спортивно-игровая** модель (далее СИМ) может быть охарактеризована как «смягченный» вариант МСМ — с акцентом на добровольном участии в соперничестве и «нацеленности на успех, суть которого — объективно подтвержденное превосходство над соперником, лидерство в какой-либо сфере, а также использование в качестве стимулов, аргументов в соперничестве тех средств, которые определяются „правилами игры“» [Там же: 243]. Специфической осо-

¹ Российские СМИ: «Аргументы и факты» — <https://aif.ru> (далее АиФ); «Ведомости» — <https://www.vedomosti.ru> (Вед.); «Взгляд» — <https://vz.ru> (Взг.); «Известия» — <https://iz.ru> (Изв.); «Коммерсант» — <https://www.kommersant.ru> (Ъ); «Комсомольская правда» — <https://www.saratov.kp.ru> (КП); «Московский комсомолец» — <https://www.mk.ru> (МК); «Правда» — <https://gazeta-pravda.ru> (Пр.); «Российская газета» — <https://rg.ru> (РГ); американские СМИ: «Bloomberg» — <https://www.bloomberg.com> (BB); «Newsweek» — <https://www.newsweek.com/> (NW); «New York Post» — <https://nypost.com> (NYP); «The New York Times» — <https://www.nytimes.com/> (NYT); «The Washington Post» — <https://www.washingtonpost.com/> (WP); «USA Today» — <https://www.usatoday.com/> (USAT); U.S. News — <https://www.usnews.com/> (USN).

бенностью **азартно-игровой** модели (далее АИМ) является упор на «материальной» (прагматической) составляющей предпринимаемых усилий в достижении цели, на рискованности мероприятия и зависимости результата деятельности от случайности, стечения обстоятельств, степени удачливости и/или ловкости кого-либо. Эти модели, безусловно, взаимосвязаны и отчасти пересекаются.

Указанные модели достаточно активно используются в анализируемых источниках при характеристике страны-оппонента: 132 метафорических контекста — в российских СМИ; 120 — в американских. Вместе с тем функционирование моделей в российских и американских массмедиа имеет ряд принципиальных особенностей как лингвистического, так и концептуального порядка.

2. Состязательные метафоры в российских СМИ

Как показал анализ, ядерное положение при формировании образа «США» в российских массмедиа занимают переносы спортивно-игровой модели — 68 контекста, или 51,5 % всех выявленных употреблений состязательных метафор; околоядерную зону занимают милитарно-состязательные переносы — 52 контекста (39,4 %), а периферийную — азартно-игровые метафоры — 12 контекстов (9,1 %). Следует заметить, что в ряде случаев границы между данными моделями оказываются размытыми, что, впрочем, соответствует общеязыковым тенденциям.

Ведущее положение **спортивно-игровой модели** в составе состязательных метафор проявляется не только в наибольшем числе контекстов с такими переносами (51,5 %), но и в разнообразии лексики, используемой как источник метафоризации:

– обобщенные наименования этого типа деятельности и его участников, отдельного мероприятия и его этапов (ср.: *спорт, игра, играть, отыграть, игрок, арбитр, соревнование, партия, матч-реванш, старт, стартовая позиция*), а также результатов состязания и участников игры в аспекте реальных и потенциальных ее результатов (ср.: *выиграть, выигрышный, переиграть, проиграть, проигрыш, набирать очки, лидировать, лидер, фаворит, чемпион, аутсайдер*);

– конкретизированные наименования видов спорта, состязаний и их типов, отдельных этапов, участников и т. п. (ср.: *гонка, ралли, поддавки, обогнать, опережать, вы-*

быть / выйти из гонки, игра / играть в одни ворота, выйти в дамки, дать фору, под шахом, эндшпиль, подмять под себя).

С помощью метафор, формируемых на базе этих единиц, характеризуется два типа ситуаций: внутривнутриполитическая ситуация в США, международная политика США.

Наиболее регулярно (48 из 68 контекстов, то есть 70 % примеров) СИМ используется при описании **президентских и промежуточных выборных кампаний в США**. Характерной особенностью реализации этой части модели является ориентация на единицы, аналогичные тем, что традиционно фиксируются в американских СМИ, и отчасти калькированные с английского языка. Неслучайно многие контексты представляют собой цитаты из американских массмедиа (ср.: *Трамп, несмотря на то, что, по данным RealClearPolitics, лидирует в гонке за выдвижение от республиканцев почти на 50 пунктов, также не является фаворитом*. — А. Яшлавский // МК. 10.12.23¹). В частности, выборная кампания ассоциируется с состязанием в скорости (на автомобилях, мотоциклах, велосипедах), со скачками, где каждый кандидат стремится прийти к финишу первым, но обладает разными потенциальными возможностями на разных этапах состязания и может сойти с дистанции (ср.: *Стартовые позиции республиканцев смотрелись более выигрышно*. — М. Сучков // Изв. 07.11.22; *Десантис может проиграть Трампу и обойти Байдена*. — Е. Чукалина // Изв. 05.06. 23; *Госпожа Хейли ... после результатов «супервторника» решила выйти из гонки*. — А. Забродин // Ъ. 09.03.24). Реже используется вариант СИМ, где выборы воспринимаются как командный турнир или поединок, в котором каждый кандидат стремится набрать очки и одержать победу, но игровая ситуация может сложиться по-разному (ср.: [Республиканцам] *можно набирать очки на ошибках демократов*. — М. Сучков // Изв. 07.11.22; *Сейчас в СМИ активно обсуждают предстоящий матч-реванш между республиканцем Дональдом Трампом и демократом Джо Байденом на американских выборах в ноябре*. — Э. Лозанский // Изв. 15.03.24; [Д. Трамп] *с подавляющим преимуществом переиграл* свою единственную конкурентку Никки Хейли 5 марта. — А. Забродин // Ъ. 09.03.24; *Джонсон отказался от предложения «выйти в дамки» и баллотироваться в спикеры*. — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23; *«Под шахом» и сама админист-*

¹ Для сокращения объема текста при цитировании указывается только автор, издание и день выхода публикации.

рация Байдена. — В. Васильев // РГ. 20.07.23).

Значительно реже в рамках СИМ дается характеристика американской **внешней политики** (30 %), но именно здесь преобладают экспрессивные переносы с исключительно негативной оценкой страны-оппонента в отношении двух взаимосвязанных типов международной повестки — социально-экономической и политической конкуренции. В первом случае используются закрепившиеся в русском языке калькированные метафоры: нестабильность финансовых рынков и валют осмысливается как гонки, где экипажи стремительно меняют свое положение, но потенциально США может оказаться в роли отстающего (ср.: *Мы можем ожидать продолжения ралли на рынке акций.* — А. Кубышкин // Вед. 26.02.24; [Для США] существуют риски **потерять лидирующее положение** [в сфере цифровых технологий]. — Р. Романов // Вед. 08.05.24). Во втором случае обычно подчеркивается агрессивно-доминирующий образ «США», которые стремятся взять на себя роль судьи, решающего судьбы других стран, либо навязать оппонентам и даже союзникам «нечестную игру» по своим «правилами», что, однако, не гарантирует США победы (ср.: *США буквально за полгода подмяли под себя Европу, Евросоюз.* — В. Кожемякин. // АиФ. 29.03.23; *Верификацию соблюдения Договора администрация Байдена превращала в игру в одни ворота.* — О. Карпович // Изв. 12.12.22; *Реакция [администрации] на действия Израиля говорит о снижении роли США как арбитра политических процессов на Ближнем Востоке.* — Р. Романов // Вед. 08.05.24; [Китай] осмелился «**подвинуть**» Америку с ее **пьедестала** «главного мирового политического игрока». ... Это не просто **спортивное состязание по правилам, а драка, мордобой, пусть пока экономический и технологический.** ... Именно американцы **меняют правила игры по ходу самой игры.** — А. Яшлавский // МК. 07.04.23).

Милитарно-состязательная модель занимает околоядерное положение в исследуемом материале — 52 контекста (39,4 %). Значимость этой модели проявляется в разнообразии лексики — источника метафоризации:

– обобщенные номинации вооруженных столкновений и принципов их организации, участников (ср.: *война, боевые действия, бой, схватка, сражение, битва, противник, враг, стратегия, тактика, диспозиция*);

– конкретизированные номинации вооруженных столкновений, их участников (ср.:

мятеж, крестовый поход, заложник, ветеран);

– наименования этапов, степени успешности одной из сторон конфликта (ср.: *бросить вызов, атака, наступать, завоевать, победа, победить, разгром, триумф, отбивать, обороняться, отступить, откатываться, поражение, реванш, пиррова победа*);

– наименования специальных артефактов: вооружения, участков для ведения боевых действий и подготовки к ним (ср.: *бомба, торпеда, бумеранг, позиция, полигон*).

В ситуативном плане, как и в СИМ, преимущество, хотя не столько осязаемое, остается за характеристикой внутренней политики: выборы в США — 28 контекстов (53,8 %); внешняя политика США — 24 контекста (46,2 %).

С помощью МСМ журналисты и цитируемые ими источники подчеркивают ожесточенность американской **межпартийной и внутрипартийной борьбы**. Примечательно, что лексема *война* в метафорическом значении не фиксируется. Но все этапы промежуточных и президентских выборов последовательно описываются как череда вооруженных столкновений разной степени интенсивности и с переменным успехом (ср.: *Феномен нынешней ситуации [в Республиканской партии], диспозиции, тактики и стратегии в том, что они не меняются с 2015 года.* — В. Васильев // РГ. 20.07.23; *Большинство законодателей-республиканцев полно решимости дать новый бой сторонникам финансирования Киева. ... Мэтт Гейтс и Марджори Тейлор Грин возобновили атаки на своего однопартийца, спикера нижней палаты Конгресса Майка Джонсона.* — С. Строкань // Ё. 01.05.24; *Исторически правящая партия на промежуточных выборах находится в положении обороняющейся стороны.* — М. Сучков // Изв. 07.11.22; [Избрание спикером М. Джонсона] **поражение «умеренных»: они отступили, тогда как «трамписты»** **настояли на своем человеке.** — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23).

При характеристике **внешней политики** с помощью МСМ, как и СИМ, российские массмедиа делают акцент на негативной оценке «США», их стремлении установить собственную гегемонию путем дестабилизации обстановки в мире, усиления конфронтации. Американская элита позиционируется как инициатор конфликта, использующий предельно агрессивные способы ослабления и уничтожения противника, в роли которого обычно выступает РФ, реже — Китай (ср.: [Вашингтон возглавил] **современный «крестовый поход» коллективного Запа-**

да против РФ после начала Россией специальной военной операции на Украине. — П. Пархитко // Пр. 07.06.22; США ведут против Китая полномасштабную экономическую войну. ... Ничто не говорит о том, что «боевые» действия» ослабнут. — А. Яшлавский // МК. 0704.2023). Агрессивные устремления «США» распространяются на все мировое сообщество (ср.: Политизация ситуации с госдолгом США сыграет миру на пользу — заставит его ... выйти из статуса американского заложника хотя бы в этом вопросе. — Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23). Но практически во всех публикациях, где используется МСМ, отмечается, что «выиграть» «войну» против всего мира «США» не удастся, что успехи в этом противоборстве являются призрачными, что агрессор вынужден переходить к обороне и в конечном счете потерпит «поражение» (ср.: Это [поддержка Украины для США] может оказаться пирровой победой. — Д. Соколов // АиФ. 26.04.24; США хотят сохранить очаг нестабильности в Европе, чтобы ... и удержат позиции Вашингтона на мировой арене. — От ред. // АиФ. 26.04.22; Xinhua: долговой кризис в США приведет к сокрушительному разгрому Штатов. — От ред. // АиФ. 04.06.2023). Более того, политика конфронтации и доминирования ассоциируется с «оружием», которое «поразит» самого агрессора (ср.: «Торпеда» [процессы в экономике в США], пущенная в последние месяцы, поразит гегемонию США. — Н. Кричевский // Изв. 28.10.22; Это [санкции в отношении Китая] для всего западного мира — не только для США — страшный бумеранг. — А. Яшлавский // МК. 07.04.23).

Азартно-игровая модель, как отмечалось, занимает периферийное положение в исследуемом текстовом корпусе — 12 контекстов (9,1 %). Источником метафоризации становятся три группы лексики: (а) обобщенная терминология азартных игр (ср.: ставка, сделать / взвинтить / повысить ставки; идти ва-банк); (б) карточная терминология (ср.: козырь, карты, бытая карта); (в) терминология денежных / вещевых розыгрышей (ср.: потеря, выигрышный билет, приз). Формируемая на базе этих единиц АИМ используется журналистами и цитируемыми ими политиками, экспертами и т. п. при характеристике внешней и внутренней политики США достаточно системно в концептуальном аспекте.

Наиболее последовательно АИМ употребляется для создания негативного образа «США», для акцента на их агрессивных действиях по укреплению гегемонии в мире.

В концептуально-ситуативном аспекте это осуществляется двояким образом. С одной стороны, обострение военных конфликтов с участием страны-оппонента (прежде всего, России) с целью ее уничтожения, ослабления ассоциируется с повышением «ставок» на ее противника (ср.: [В поставках вооружений Киеву] я вижу только одно: попытку еще больше взвинтить ставки, еще больше обострить ситуацию, увидеть больше потерь. — М. Беленькая // Ё. 25.04.22; Американцы идут ва-банк в геополитической игре на Украине. ... Всё на желто-синее. — А. Ведрусов // Изв. 22.04.24). С другой стороны, экономические и политические санкции, угрозы в адрес страны-оппонента, санкции против них ассоциируются с козырями, которые «США» используют в карточной игре (политической борьбе), причем не всегда успешно (ср.: США выложили новый козырь против России: давят на торговые привилегии. — Р. Абдуллин // МК. 11.03.22; У Вашингтона остался во внешней политике последний козырь — язык угроз, и даже он уже не так эффективен. — От ред. // Изв. 05.02.23). Специфической особенностью единичных примеров употребления АИМ при описании внутренней политики США является представление о выборной кампании как лотерее, то есть как о рискованной игре, в которой побеждает не лучший, а удачливый игрок (ср.: Новым спикером Палаты представителей стал малоизвестный 51-летний политик Майк Джонсон. Он достался Америке, как приз в лотерее. — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23).

3. Состязательные метафоры в американских СМИ

В отличие от российских СМИ при презентации образа «США», в американских массмедиа при создании образа «Russia» абсолютное лидерство принадлежит переносам, формируемым в рамках милитарно-состязательной модели — 80 контекстов (66,7 %); околядерную зону составляют спортивно-игровые переносы — 22 контекста (18,3 %), а периферийную — азартно-игровые метафоры — 18 контекстов (15 %). Данная статистика свидетельствует о том, что «Russia» воспринимается авторами публикаций и цитируемыми ими источниками в более «воинственном» ключе, чем «США» — российскими СМИ, хотя в целом, как и в русском, в английском языке границы между моделями весьма расплывчатые (ср.: *fight, win*).

Концептуальная значимость **милитарно-состязательной модели** в английском текстовом корпусе отражена в разнообразии источников метафоризации, семантически аналогичных русским:

– обобщенные номинации вооруженных столкновений и принципов их организации, участников (ср.: *war, fight, battle, struggle, adversary, enemy, mortal enemy, defender, ally, struggle, militarize, strategy, aggressive*);

– конкретизированные номинации вооруженных столкновений, их участников (ср.: *terrorize, crusade, blitzkrieg, Russian October Revolution*);

– наименования этапов, степени успешности одной из сторон конфликта (ср.: *mobilize, attack, frontal attack, offensive, undefeated, deploy, defend, beat back, retreat, protect, defeat, losing battle*);

– наименования специальных артефактов: вооружения, участков для ведения боевых действий и подготовки к ним (ср.: *weapon, weaponize, trigger, fortress, impregnable, bulwark, being targeted*).

Однако в ситуативно-концептуальном аспекте реализация СИМ в американских СМИ имеет существенные отличия от российских массмедиа.

Абсолютное большинство метафор характеризует **внешнюю политику** РФ — 72 из 80 контекстов (90 %), акцентируя внимание на глобальном (экономическом, политическом, идеологическом) противостоянии «Russia» и Запада, которое позиционируется как вооруженный конфликт (“*new Cold War*”) и в котором каждая из сторон использует все доступные способы («оружие», «укрепления», «стратегию и тактику») для уничтожения оппонента (ср.: *The United States ... has deployed many economic weapons against Russia*. — С. Rampell // WP. 24.03.22; *The Kremlin has always weaponized these commercial relations*. — Р. Erizanu // TNYT. 23.04.24; *Major industries remain heavily dependent on imports despite the Kremlin's “fortress economy” strategy*. — D. Brennan // NW. 03.08.22; [Из-за экономических санкций] *Top wheat exporter Russia is struggling to ship its record harvest*. — М. Durisin // ВВ. 17.08.22; *What’s more, Mr. Putin has paired his non-Western charm offensive with heightened confrontation with the West*. — Н. Notte // TNYT. 29.03.24). «Russia» представляется в виде агрессора, который сражается с западными («либеральными») ценностями, отгораживается от них неприступными «крепостями» и рассматривает российское общество как «передний край» такой борьбы (ср.: *Russia ends up relying on a bit of Western culture to embody its anti-Western crusade?* — М. Roberts // WP. 23.03.22; *Putin casts the Ukraine war as part of a centuries-old battle with the West*. — G. Faulconbridge // USAT. 06.05.24; [Россия] *Militarized society ... that views the West as its mortal enemy*. — R. Dixon // WP. 06.05.24;

The new Russia claims to defend Orthodox values against Western cultural influences. // WP. Washington Post staff. 06.05.2024; *Sergey Kravtsov openly described schools as central to Moscow’s fight to “win the information and psychological war” against the West*. — М. Ilyushina // WP. 20.03.2022).

Подобная интерпретация образа «Russia» отражается в военной когнитивной матрице **внутренней политики** РФ. Этот аспект представлен только 8 контекстами (10 %). Политическая элита страны воспринимается как агрессор, который максимально жестко борется с оппозицией и «либеральными западными» ценностями внутри государства, причем такая политика ассоциируется с новой «the Russian October Revolution» (ср.: *Press and internet freedoms are increasingly being targeted on the pretense*. — W.M. Arkin // NW. 24.08.22; *Forging an ultra-conservative, puritanical society mobilized against liberal freedoms and especially hostile to gay and transgender people...* — R. Dixon // WP. 06.05.24; *Putin fought with his own intelligence chief and defense minister*. — W.M. Arkin // NW. 24.08.22).

Спортивно-игровая модель, одна из самых продуктивных в английском языке и американском политическом дискурсе, в исследуемом текстовом корпусе представлена относительно небольшим числом примеров (22 контекста, или 18,3 %) и относительно небольшим числом единиц — источников метафоризации:

– обобщенные наименования спортивной деятельности, отдельных мероприятий, их участников и результатов (ср.: *game, competitor, champion, win, score, lead, lose, losing*);

– конкретизированные наименования видов спорта, состязаний, их этапов и т. п. (ср.: *race, racing, sideline* (в командной игре), *playbook* (в американском футболе), *knockout, stalemate*).

В концептуально-ситуативном аспекте, как и при реализации МСМ, спортивные метафоры используются преимущественно при описании **внешней политики** — 16 из 22 контекстов (72,3 %). Образ «Russia» трактуется достаточно традиционно — как стратегический соперник «США» и всего коллективного Запада, в противоборстве («гонке», «соревновании») с которым, по мнению американских массмедиа, «Russia» может побеждать или быть на равных («выигрывать», «набирать очки»), что, естественно, требует соответствующей реакции со стороны США (ср.: [Агрессивная политика РФ ввергает] *the world into an arms race like those leading up to the world wars. ... The Soviet Union or Russia has been our strategic*

competitor. — D. Coats // *NYT*. 11.04.24; [Путин] *is working to ... as a champion of Orthodox Christian values and an opponent of liberal freedoms*. — WP staff // *WP*. 06.05.24; *US, Russia lead in warheads* — W. M. Arkin // *NW*. 24.08.22; *The Kremlin seems to have scored a geopolitical win by keeping revenues from global LNG sales intact*. — J. Blas // *BB*. 13.10.22). Менее активно американские журналисты используют СИМ при характеристике вооруженного конфликта на Украине, где позиционные успехи одной из сторон ассоциируются с определенными позиционными ситуациями в боксерском поединке, в шахматной партии (ср.: *Russia has been unable to deliver any knockout blow. ... Putin's army then stalled again into a stalemate*. D.E. Sanger // *NYT*. 03.03.22). В немногочисленных примерах **внутриполитической ситуации** в «Russia» акцент делается на инициируемых главой государства кадровых перестановках в правящей элите, которые воспринимаются как позиционные изменения во время игры (ср.: *Putin ... sidelined naysayers and skeptics, according to multiple U.S. government sources*. — W.M. Arkin // *NW*. 24.08.22).

Азартно-игровая модель в формировании образа страны-оппонента занимает периферийное положение, хотя по сравнению с российскими СМИ доля азартных переносов несколько выше — 18 контекстов (15 %). Основные источники метафоризации во многом схожи с российскими массмедиа — преимущественно обобщенная или карточная терминология (ср.: *double down, shuffle, reshuffle, bluff*). Но в отличие от российских американские журналисты и цитируемые ими источники не используют при создании образа «Russia» потерейной терминологии, зато привлекают номинации позиций в древних азартных играх и в кости (ср.: *have the upper hand, throw of the dice*). В концептуально-ситуативном использовании этих единиц обнаруживаются следующие особенности. При характеристике **внутренней политики** (8 контекстов, или 44,4 % примеров с АИМ) акцент делается на ее рискованности и непредсказуемости в условиях проведения специальной военной операции. Руководство страны, решившееся на кадровые перестановки и экономические преобразования, ассоциируется с игроком, который сознательно рискует («удваивает ставки») и пытается получить «хорошие карты» после их «тасования» (ср.: *Putin's reshuffle indicates he is doubling down on his war economy*. — D. Brennan // *NW*. 13.05.24; *Putin shuffles goons running Russian's war in Ukraine as defense minister Shoigu replaced with economist*. — R. Reyes // *NYP*. 12.05.24).

Аналогичным образом позиционируются действия «Russia» на **внешней арене** (10 контекстов, или 55,6 %) — в вооруженном конфликте на Украине и в конфронтации с Западом: подчеркивается склонность к введению «партнеров по игре» в заблуждение («блефованию») и возможному случайному временному успеху (ср.: *Putin's effort to re-engineer Russia is a desperate — and doomed — throw of the dice, disconnected from reality*. — R. Dixon // *WP*. 06.05.24; [После экономических санкций] *Putin's reaction [на санкции] will be to double down and lash out*. — D.E. Sanger // *NYT*. 03.03.22; *Some Western and Ukrainian officials have said Russia is bluffing to scare the West*. G. Faulconbridge // *USAT*. 06.05.24; *On the information side, Moscow has the upper hand*. — J. Stavridis // *BB*. 04.10.22).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ, в условиях резкого усиления конфронтации современные российские и американские газетные массмедиа при формировании образа страны-оппонента («США» и «Russia») активно используют составительные метафоры в виде трех взаимосвязанных и отчасти пересекающихся концептуальных моделей (милитарно-состязательной, спортивно-игровой и азартно-игровой). Данные модели являются общими и во многом однотипными в русском и английском языках, однако их значимость и конкретное когнитивное наполнение в исследуемых текстовых корпусах имеют общие и специфические черты.

В рамках российской и американской политических картины мира страна-оппонент («США» и «Russia») оценивается негативно как в отношении своей внешней, так и внутренней политики, причем если в российских СМИ относительно равномерно уделяется внимание тому и другому аспекту, то в американских СМИ акцент делается на внешнеполитической деятельности РФ. Не менее концептуально значимо то, что в российских массмедиа ведущей становится спортивно-игровая модель метафоризации, тогда как в американских — милитарно-состязательная. Таким образом, американские журналисты и цитируемые ими источники стремятся создать более агрессивный образ страны-оппонента по сравнению с российскими. Преобладание той или иной модели и ее конкретное когнитивное наполнение во многом зависят от выбора конкретных ситуаций для описания.

Идеологема «США» в российском политическом газетном дискурсе отмечена следующими характеристиками. Внутренняя ситуация в США представлена как спортив-

ное состязание между Демократической и Республиканской партией или между различными политическими блоками внутри каждой из них. Непримируемость и ожесточенность их конфронтации может подчеркиваться активизацией милитарных метафор, а случайность успехов одной из сторон конфликта — с помощью лотерейных переносов. Негативная оценка внешнеполитического курса Вашингтона, направленного на утверждение собственной гегемонии в мире, выражается с помощью образа «США» как игрока, который не соблюдает правила игры и «шельмуется» за карточным столом. Негативный образ «США» в максимальной степени получает отражение в МСМ, где Штаты предстают в роли агрессора по отношению к конкурентам и оппонентам, но именно это делает эту страну, согласно российским СМИ, уязвимой.

Идеологема «Russia» в американских СМИ позиционируется в основном как принципиальный противник Запада и его «либеральных» ценностей, что заставляет руководство страны идти на риск, использовать все возможные средства для противостояния западному миру, причем как на внешней арене, так и внутри страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2022. — Т. 17, № 4 (36). — С. 272–284.
2. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : электронный // *Quaestio Rossica*. — 2017. — Т. 5, № 4. — С. 1178–1196. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf.
3. Балашова, Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянских культур, 2014. — 496 с. — Текст : непосредственный.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
5. Барышникова, Г. В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (137). — С. 179–185.
6. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.
7. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научно-технические технологии, 2020. — 464 с. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf. — Текст : электронный.
8. Корж, П. А. Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе / П. А. Корж. — Текст : электронный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (22). — С. 175–179. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-metafora-kak-sredstvo-kommunikatsii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 02.06.2024).
9. Окунева, И. О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) / О. И. Окунева. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4. — С. 135–145. — URL: <https://politlingvistika.ru/images/4-2010/20.pdf>.
10. Савельева, А. Ю. Метафора new cold war и области ее моделирования / А. Ю. Савельева, Б. Н. Жантурина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 164–171.
11. Семенова, Е. М. «Аргументативные» ресурсы метафоры (на материале современного политического американского медиадискурса) / Е. М. Семенова, М. Л. Алексеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 69–76.
12. Сидоренко, И. А. Военная метафора в политическом дискурсе в условиях пандемии как политическая стратегия Эммануэля Макрона / И. А. Сидоренко. — Текст : непосредственный // Язык и действительность. — Москва : Спутник+, 2021. — С. 387–391.
13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 2 (40). — С. 53–59. — URL: <https://politlingvistika.ru/images/2-2012/8.pdf>.
14. Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 42–48.
15. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — URL: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf>. — Текст : электронный.
16. Gibbs Jr. Raymond W. Metaphor wars : conceptual metaphors in human life / Raymond W. Gibbs, Jr. — New York : Cambridge University Press, 2017. — 320 p. — Text : unmediated.
17. Kövecses, Z. Metaphor and culture / Z. Kövecses. — Text : unmediated // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. — 2010. — Iss. 2. — P. 197–220.

REFERENCES

1. Balashova, L. V. (2022) «Diplomatic» i «nediplomatic» v zhanrah diplomaticheskogo diskursa: na materiale metafor v tekstah press-konferencii i interv'y u Ministra inostrannykh del RF S.V. Lavrova, posvyashchennykh voennoj specoperacii na Ukraine [“Diplomatic” and “non-diplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on the material of metaphors in the texts of a press conference and interview with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov, dedicated to the military special operation in Ukraine]. *Zhanry rechi*, 17(4)(36), 272–284. (In Russ.)
2. Balashova, L. (2017). The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196. (In Russ.) Retrieved from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf (In Russ.)
3. Balashova, L.V. (2014). *Russkaya metafora. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [Russian metaphor. Past. The present. Future]. Moscow: LRC Publishing House, 496 p. (In Russ.)
4. Baranov, A.N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: LRC Publishing House, 632 p. (In Russ.)
5. Baryshnikova, G.V., & Dubinina, I.I. (2019). Metaforicheskoe sozdanie politicheskogo obraza rukovoditelya Rossii v zapadnykh SMI (na materiale angloamerikanskoj i francuzskoj pressy) [Metaphoric creation of the Russian political leader in the Western media (based on the material taken from Anglo-American and French press)]. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 4(137), 179–185. (In Russ.)
6. Budaev, E.V. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikacii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)
7. Budaev, E.V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Sankt-

Peterburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf (In Russ.)

8. Korzh, P.A. (2019). Sports Metaphor as Communication Means in American Political Discourse. *Economical and Social-Humanitarian Research*, 2(22), 175–179. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-metafora-kak-sredstvo-kommunikatsii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (In Russ.)

9. Okuneva, I.O. (2010). Types and the Role of Metaphor in the Press of Russia, Great Britain, the USA and Canada (Based on the Newspaper Articles on the Issues of the State, Society and the Press Relations). *Political Linguistics*, 4, 135–145. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/4-2010/20.pdf> (In Russ.)

10. Savef'eva A.Yu., & Zhanturina B.N. (2023). New Cold War Metaphor and Areas of Its Modeling. *Political Linguistics*, 4(100), 164–171. (In Russ.)

11. Semenova, E.M., & Alekseyeva, M.L. (2023). “Argumentative” Resources of Metaphorization (On the Basis of Modern American Political Media Discourse). *Political Linguistics*, 1(97), 69–76. (In Russ.)

12. Sidorenko, I.A. (2021). Voennaya metafora v politicheskom diskurse v usloviya h pandemii kak politicheskaya strategiya Emmanyuela Makrona [The Military Metaphor in Political Discourse in the Context of the Pandemic as a Political Strategy of Emmanuel Macron]. In *Yazyk i dejstvitel'nost'* (pp. 387–391). Moscow: Sputnik+. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2012). Discursive Characteristics of Political Communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/2-2012/8.pdf> (In Russ.)

14. Chudinov, A.P., & Segal, N.A. (2024). The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022—2024. *Political Linguistics*, 3(105), 42–48. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 176 p. Retrieved from <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf> (In Russ.)

16. Gibbs, Jr., Raymond W. (2017). *Metaphor wars : conceptual metaphors in human life*. New York: Cambridge Univ. Pr., 320 p. (In Russ.)

17. Kövecses, Z. (2010). Metaphor and culture. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2, 197–220.